

Ю.В. Лебедев

Народный мир в движении

В «Последыше» мужики деревни Большие Вахлаки разыгрывают после реформы «камедь» подчинения выжившему из ума князю Утятину, соблазнившись посулами его наследников-сыновей. Некрасов создает сатирический образ тех полукрепостнических отношений, которые установились между помещиками и крестьянами после реформы 1861, когда крестьянство на многие десятилетия осталось в фактической зависимости от господ. В начале «Последыша» вновь звучит сквозная в эпопее тема народного богатства:

«Прокосы широчайшие! –
Сказал Пахом Онисимыч–
Здесь богатырь народ!»
Смеются братья Губины:
Давно они заметили
Высокого крестьянина
Со жбаном — на стогу;
Он пил, а баба с вилами,
Здравши кверху голову,
Глядела на него.

Так создается почти скульптурный памятник, олицетворяющий неистощимую силу и мощь крестьянского мира. Но в резком контрасте с этим мажорным вступлением оказывается поведение мужиков, играющих шутовскую роль добровольных рабов перед напоминающим Лихо Одноглазое, выморочным князем Утятиним.

Вначале эта «камедь», эта фальшивая игра в покорность вызывает улыбку читателя. Тут есть и артисты вроде мнимого бурмистра Клим Лавина, с каким-то упоением входящего в назначенную ему миром роль:

«Отцы!» – сказал Клим Яковлич
С каким-то визгом в голосе,
Как будто вся утроба в нем
При мысли о помещиках
Заликовала вдруг...

Но чем далее продолжается игра, тем чаще в ней проскальзывают черты правдоподобия. Возникает сомнение: игра ли это? Уж слишком похожа она на правду. Сомнение подтверждается не только словами Пахома: «не только над помещиком, привычка над крестьянином сильна», — но и реальными поступками вахлаков. Вот мужики идут посмотреть на комедию, которая будет разыграна с приездом князя Утятина, но встают «почтительно поодаль от господ». Вот Клим входит в раж и произносит очередную верно-подданническую речь, но у дворового вместо смеха «слезы катятся по старому лицу». А рядом с этими произвольными проявлениями холопства встает холопство Ипата уже по призыванию и убеждению. Да и самый главный шут Клим Лавин в минуту откровения говорит:

Эх, Влас Ильич! где враки-то?
Не в их руках мы, что ль?..

Временами комедия превращается в жестокую, трагическую игру, убийственно действуя на Агапа Петрова — человека с проснувшимся и еще не окрепшим чувством собственного достоинства. И если сперва вахлакам кажется, что они потешаются над помещиком, то вскоре выясняется, что в действительности они унижают самих себя. Неспроста говорит мудрый Влас разыгравшемуся шуту Климу Лавину:

Бахвалься! А давно ли мы,
Не мы одни — вся вотчина...
(Да... все крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денежки.
Не три-четыре месяца,
А целый век... Да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
Недаром Вахлаки!

Против мужиков обращивается их наивная вера в сыновей князя Утятина, «гвардейцев черноусых», посуливших за вахлацкую комедию поемные луга. Умирает «последыш»,

А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются дондесь...